

К ОСОБЕННОСТЯМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЛЕНОВ БЕРЕЗОВСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОГО СУДЕБНОГО ДЕЛА ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ведения судебного расследования по обвинению в уголовном преступлении одного из чиновников Березовского духовного правления. Отмечается, что в определенных условиях разбирательства и тяжбы по надуманным обвинениям могли продолжаться многие годы, из-за чего обвиняемые лишались возможности продолжать службу и средств к существованию.

Ключевые слова: Тобольский Север; Березов; духовное правление; судопроизводство; делопроизводство.

Сведения об авторе: Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Контактная информация: 628602, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, ул. Мира, 3б; тел.: (3466)27-35-10, e-mail: roshist@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002р_а.

Из классической художественной литературы всем известна неспешность и запутанность дореформенного судопроизводства. Попавшему под маховик судебной машины, даже при наличии явной невинности в совершении противоправных действий, далеко не всегда удавалось выпутаться без ощутимых материальных и репутационных потерь. Само следствие и последующее рассмотрение зачастую растягивалось на долгие годы. Поводом могли послужить относительно незначительные происшествия, в какой-то степени напоминающие столкновение гоголевских героев Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

До настоящего времени подобного рода ситуации, как правило, рассматривались в рамках сюжетов, связанных с ведением делопроизводственной документации церковными учреждениями (см., напр.: Спичак 2019). Один из случаев, подтверждающих приведенное выше суждение, произошел на Тобольском Севере в 60-е гг. XIX в. Его подробное описание поможет понять, как в тесном мирке сравнительно небольших селений складывались взаимоотношения чиновников и духовенства, составлявших узкий слой местной интеллигенции, как эти взаимоотношения иногда перерастали в затяжные конфликты и как сказывались на судьбе их участников.

Управление приходскими церквями Тобольского Севера, посреднические функции между причтами и Тобольской духовной консисторией возлагалась на Березовское духовное правление (подробнее о его функциях и структуре см.: Цысь 2017). На рубеже 1850–60-х гг. в его состав входили священнослужители административного центра Березовского края – И.М. Заборовский, В.А. Чемесов, А.Я. Тверитинов. Ведение делопроизводства возлагалось на светское лицо – канцелярского служителя И.Л. Данилевского. Само учреждение располагалось в небольшом деревянном здании в центре г. Березова.

5 июля 1860 г. вечером сторож духовного правления Петр Ямзин отлучился на квартиру ужинать. Когда вернулся, увидел, что наружные двери открыты, а внутри на двери присутственной комнаты железная накладка переломлена пополам и двери отворены. Он тут же известил о произошедшем членов БДП, те – городничего, должность которого исполнял А. Франц. Выяснилось, что «из присутственной комнаты выкрадено много деловых бумаг». При осмотре правления были найдены орудия взлома – «головка от изломанного стула, складной ножик, тоже изломанный, и железная кочерга, изогнутая с

зубцами» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 16). С их помощью вскрывалась внутренняя дверь, т. к. замок у наружной двери навешивался «для формы».

Подозрение пало на столоначальника Ивана Данилевского и письмоводителя хозяйственного управления М. Курбатова. Вследствие этого городничий тут же приступил к обыскам у этих лиц. М. Курбатова в квартире не нашли, «а отыскал его в квартире Данилевского одетым из крестьянского сукна в гусь (верхнее платье осыатского покроя); при осмотре Курбатова найдено у него под надетым гусем в носовом платке завязанными разные бумаги и дела, принадлежащие Духовному Правлению; почему виновные взяты под арест...» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 16).

По какой-то причине допрос не провели по горячим следам, что в дальнейшем сказалось на показаниях обвиняемых. Арестованные на следствии сообщили следующее. И. Данилевский: «он из Духовного Правления никаких бумаг не выкрадывал, да и надобности ему в этом не было потому, что он, как Столоначальник того Правления, мог и без этого видеть их, если бы оне были ему нужны; к тому же бумаги оставались на его ответственности; в день кражи, т. е. 5 июля вечером, он никуда не выходил из квартиры; не более как за полчаса до прибытия на его квартиру, Данилевского, Городничего с понятами, пришел к нему хмельной Курбатов, застал его спящим и, разбудив, сказал, что принес весьма нужные для него, Данилевского, бумаги и просил за это взаймы денег на вино, в которых он, Данилевский, первоначально отказал ему, а потом, по неотступной просьбе, дал 35 коп.; на эти деньги Курбатов тотчас послал сына хозяйки за вином; он же, Данилевский, из любопытства стал рассматривать принесенные Курбатовым, завязанные в платке бумаги, увидев, что все эти бумаги из Духовного Правления, возвратил их Курбатову; чтобы избавиться от Курбатова и всякого подозрения, он, Данилевский, стал собираться, чтобы выйти из квартиры и объявить об этом кому следует; но пред самым выходом встретил на крыльце Городничего с понятами, который вернул их в комнату и, при обыске, взял у Курбатова бумаги, спрятанные под гусем, который он выпросил у хозяйки» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 16).

М. Курбатов свою вину отрицал. Он показал, что в означенное время он действительно заходил в квартиру, занимаемую Данилевским, но не к нему собственно, а к хозяйке Первой, у которой выпросил гусь «с целью ехать в нем на другой день на рыбалку». При этом он якобы застал столоначальника за разбором каких-то бумаг. Когда М. Курбатов стал выходить из комнаты, то И. Данилевский завязал в платок бумаги и при выходе, попросил его «подержать на минуту узелок», а сам вернулся в комнату, чтобы запереть сундук. Ничего не зная и не подозревая, М. Курбатов согласился подержать узелок, но в это время пришел городничий с понятами и нашел эти бумаги при нем. Платок, в котором были завязаны документы, ему якобы не принадлежал.

Показания свидетелей, казалось бы, вполне обличали М. Курбатова. Так, хозяйка квартиры казачка Перова под присягой сообщила, что «в означенное время вечером она видела в окно идущего в дом ея к Данилевскому Курбатова с узлом под рукою в пестром платке; пройдя прямо в комнату Данилевского и найдя его спящим, Курбатов начал его будить и звать к себе в квартиру; при чем неотступно просил у Данилевского денег на вино, обязываясь как за эти деньги, так и за прежний долг отдать ему в заклад свою шинель; но Данилевский в деньгах ему отказывал; почему Курбатов обращался с просьбою об этом к ней, Первой, но она тоже отказала; поле того Курбатов ушел в комнату Данилевского; вскоре за тем Данилевский пришел к ней, Первой, и взял 35 коп., на которые тотчас послала за водкой... Предъявленный ей, Первой, платок, в котором Курбатов нес что-то завязанное, принадлежит ему, Курбатову, так как она неоднократно мыла его во время квартирования Курбатова в ея доме» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 16–16 об.).

Другие свидетели – казачий офицер Чертов и казак Ослопов – видели М. Курбатова незадолго до времени обнаружения пропажи документов недалеко от Березовского духовного управления с завязанным узлом, а его квартирный хозяин чиновник Бирюков подтвердил слова Первой, что платок принадлежит именно М. Курбатову.

Казалось бы, виновный выявлен. Однако, как нам представляется, на ситуацию повлияла личная неприязнь между столоначальником и членами БДП. Последние заявили, что И. Данилевский «ранее был замечен в разных неблагоприятных поступках, в ослушании, неповиновении, дерзостях», в частности, «ябедах, нехождении к должности», краже из земского суда ревизских сказок, за что у него ранее удерживалась часть жалованья, почему в инкриминируемом преступлении он мог вполне участвовать. Следовательно, обязанности которого исполнял сам городничий А. Франц, встал на сторону членов духовного правления. В августе 1860 г. он представил постановление, в котором весьма нелицеприятно охарактеризовал И. Данилевского. Якобы тот проявлял «1) ...неуважение и неповиновение властям, равно писал и частным лицам ябеднические просьбы, что доказывается отпусками и подлинными прошениями, находящимися в числе отобранных у него бумаг; 2) из этих бумаг высказывается корыстолюбие Данилевского к получению мзды, законом воспрещенной; 3) скрытие Данилевским подсудности...» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 17). Причем как выяснилось, данный документ был переписан рукой председателя БДП протоиерея И.М. Заборовского.

Тем не менее, Тобольский окружной суд не согласился с подобными выводами. Действительно, И. Данилевский часто жаловался на действия БДП, указывая на допускаемые его членами злоупотребления и ошибки, но наблюдение за правильным ведением дел входит в его непосредственные обязанности и «ябедами» считаться не может, тем более, что таковыми их не считала и Тобольская духовная консистория. То, что он писал по просьбам различных лиц прошения и другие документы в свободное от основной работы время за вознаграждение, также не может быть поставлено ему в вину. Скрытие подсудности подтверждается лишь косвенными уликами, точнее говоря, в найденном в бумагах И. Данилевского прошении на имя Черниговского архиепископа о пересмотре дела о нанесении им удара пономарю Пшеничникову. Но в формулярном списке обвиняемого никаких сведений на данный счет не приводилось.

В результате Тобольский окружной суд посчитал все вышеизложенное достаточным, чтобы своим «мнением» от 11 августа 1861 г. Ивана Данилевского «оставить от сего дела свободным» и предоставить право получить полное жалованье за время суда и следствия, опечатанные его бумаги выдать обратно, а губернского секретаря Михаила Курбатова за кражу со взломом сослать на житье в Енисейскую губернию с заключением там на три года (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 18).

Решение было представлено на «ревизию» вышестоящей инстанции – Тобольскому губернскому суду, который решением от 29 сентября 1861 г. нашел, что «открытые следствием данные не составляют совершенного доказательства к обвинению Курбатова в краже бумаг со взломом из Березовского Духовного Правления, а служат лишь основанием к оставлению его в сильном подозрении», т. к. нет признания самого М. Курбатова и непонятны мотивы преступления. Хотя к обвинению И. Данилевского тоже не имелось оснований, но, во-первых, М. Курбатов почему-то именно к нему пришел с бумагами; во-вторых, И. Данилевский не задержал преступника; в-третьих, он был отстранен от ведения дел членами БДП. Поэтому столоначальник подозревается в сообщничестве с М. Курбатовым. Последнему, не имевшему в бумагах никакой надобности, незачем было бы предъявлять их И. Данилевскому для обнаружения своего преступления, а столоначальник мог иметь в бумагах интерес – «сделать из них какое-либо злоупотребление» или чтобы членов БДП обвинили в небрежном хранении документов. Поэтому решили: М. Курбатова «оставить в сильном подозрении», И. Данилевского «в подозрении» с внесением подсудности в их послужные списки (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 18 об.).

Данное решение было пропущено губернским прокурором, утверждено губернатором и 8 ноября 1861 г. отправлено Березовскому окружному суду для взятия подписки об ознакомлении с ним обвиняемых.

На этом можно было бы поставить точку, однако 4 апреля 1862 г. М. Курбатов подал в Тюменскую городскую полицию «объявление», в котором сообщил, что необоснованно

свалил вину на И. Данилевского, т. к. бумаги выкрадены им, М. Курбатовым. Похищение было произведено им без всякой цели, «без видов корысти по непонятному для него самого предположению». Сложно сказать, чем было вызвано такое признание. Сам чиновник указал, что хочет «смыть черное пятно, которым он заклеил себя» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 19). Вряд ли нам следует этим объяснением удовлетвориться. Известно, что М. Курбатов находился в Тюмени в поисках работы. Затруднительное финансовое положение в сочетании со склонностью к горячительным напиткам могли привести его к такому отчаянному поступку. Позднее М. Курбатов сообщал, что вину на себя взял «будучи принужден к тому наготову, голодом и неимением пристанища» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 19 об.).

Тобольский губернский суд 19 августа 1863 г. принял решение пересмотреть приговор и согласиться с ранее высказанным «мнением» окружного суда. Теперь уже с таким выводом не согласился Правительствующий Сенат – высшая судебная инстанция Российской империи, т. к. пересмотр состоялся без его санкции. Из-за нарушения юридической процедуры указом от 21 января 1864 г. прежний приговор был оставлен в силе.

И. Данилевский не только подал новое прошение в Сенат об освобождении его от ответственности по данному делу, но и дополнил его просьбой «рассмотреть дело в отношении причинения ему, Данилевскому, членами Березовского Духовного Правления: Протоиереем Заборовским и Священниками Тверитиновым и Чемесовым, обид по службе и притеснений, при помощи бывшего городничего Франца и посредством чиновника Курбатова», за что ему нужно «присудить вознаграждение» и восстановить на прежней должности (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 20 об.). В следующем прошении от 10 июля 1866 г. бывшим столоначальником был обрисован почти что настоящий «заговор» чиновников г. Березова, направленный против него лично. Якобы М. Курбатов специально пришел на квартиру с целью тайно подбросить ему бумаги и тем самым его скомпрометировать, а под арестом его затем держали в течение восьми месяцев, чтобы он не смог разоблачить противозаконные действия членов духовного правления, растрату или нецелевое использование казенных средств (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 21).

Необходимо указать, что при ревизии Березовского духовного правления в декабре 1865 г. архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам встал на сторону отстраненного от дел И. Данилевского. В рапорте в Тобольскую духовную консисторию преосвященный отмечал: «В суждениях о делах, все три члена действуют кажется единодушно, но как заметно под мощным влиянием протоирея Заборовского... Правление по отношению к делу Данилевского действовало очень поспешно, малорассудительно и бездоказательно... В этом последнем деле т.е. в выкрадении бумаг из правления в 1860 г. для производства обыска в квартире Данилевского чрез полицию опять не соблюдено было правлением никакого законного порядка, не составлена для принятия такой меры не журнала ни даже получено было от сторожа правления форменной бумаги взлом замка и похищении бумаг. Полиция по какому-то частному извещению приступила к обыску на правах силы и власти ей не предоставленной законами» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 111–112).

Несколько последующих лет тянулась переписка между Сенатом, Тобольским губерньским судом и И. Данилевским по этому вопросу. Не найдя удовлетворения своих требований, чиновник прибег к последнему средству – подал всеподданнейшую жалобу на имя императора Александра II:

«Ваше Императорское Величество
Всемилолюбивейший Государь.

Занимая должность столоначальника в Березовском (Тобольской Епархии) Духовном Правлении, по неблагонамеренности и нерасположению ко мне членов оногo протоирея Иоанна Заборовского, Священников Александра Тверитина и Василия Чемезова. А также Березовского Городничего Коллежского Ассессора Франца и Письмоводителя Березовского Хозяйственного Управления Губерньского Секретаря Михаила Курбатова я имел несчастье

безвинно быть привлеченным к уголовной ответственности по делу о краже 5-го июня 1860 года...» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 2). И. Данилевский помимо прочего сообщал, что он пострадал морально и физически, а «безвинное с лишком восьмимесячное истязание, как преступника, заключением в тюрьму... запятнало честную и безукоризненную государственную его службу, которой с 1860 г. за всеми стараниями, он по настоящее время не может получить вследствие помещенной в послужном списке отметки о его подсудности» (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 23).

Император в соответствии с принятой процедурой передал жалобу на рассмотрение общего собрания Сената. На его заседании 20 декабря 1874 г. большинство постановило полностью оправдать И. Данилевского и выплатить жалованье за время нахождения под судом и следствием (т. е. с 1860 г. по 1864 г.). Претензии к членам Березовского духовного правления и бывшему городничему не были удовлетворены. В то же время два члена общего собрания – один из авторов судебной реформы 1860-х гг. С.И. Зарудный (1821–1887 гг.) и один из сотрудников М.М. Сперанского по кодификации законодательства К.Г. Репинский (1796–1876 гг.) – высказали «особое мнение», предложив возместить пострадавшему жалованье за все время с 1861 по 1874 гг., а также зачесть весь данный период ему в действительную службу (РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851. Л. 26).

Однако министр юстиции утвердил мнение большинства, которое вступило в силу и было объявлено И. Данилевскому 27 августа 1875 г.

В итоге он сумел получить компенсацию в размере 222 руб. 81 ³/₄ коп., что, разумеется, не могло полностью возместить понесенных убытков, а главное, причиненного вреда здоровью. Бывший столоначальник не был восстановлен в прежней должности, а переведен писцом в Тобольскую духовную консисторию. Его материальное положение оказалось таково, что, получив в полиции решение общего собрания Сената, он не смог заплатить за это положенный гербовый сбор. Собственно, и само Березовское духовное правление за это время было упразднено.

Продолжавшаяся полтора десятилетия тяжба закончилась лишь частичным удовлетворением требований невинно пострадавшего чиновника. Пьяная выходка одного человека почти сломала жизнь другому. Ситуация развивалась по известной русской поговорке, предлагающей не зарекаться от суммы и от тюрьмы.

Литература

ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 78.

РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1851.

Спичак А.В. 2019. Делопроизводство Тобольской духовной консистории по вопросам о причинении мужчинами телесного вреда женщинам (конец XVIII – начало XIX вв.) // Православие. Наука. Образование 1(7), 10–20.

Цысь О.П. 2012. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви 3 (46), 16–29.

Цысь О.П. 2017. Духовные правления как звено церковного управления на Тобольском Севере в 1810–1860-х гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви 75, 22–38.

Список сокращений

ГУТО ГА – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

РГИА – Российский государственный исторический архив

V.V. Tsys'
Nizhnevartovsk, Russia

**TO THE PECULIARITIES OF RELATIONSHIPS OF MEMBERS
OF THE BEREZOVSKY SPIRITUAL BOARD (ON THE MATERIALS
OF ONE JUDICIAL CASE OF THE THIRD QUARTER OF XIX CENTURY)**

Abstract. The article discusses the features of conducting a judicial investigation on a criminal charge of one of the officials of the Berezovsky clerical government. It is noted that under certain conditions, trials and lawsuits on far-fetched charges could have lasted for many years, as a result of which the accused were deprived of the opportunity to continue their service and were deprived of their livelihood.

Keywords: Tobolsk North; Berezov; ecclesiastical rule; legal proceedings; paperwork.

About the author: Valery Valentinovich Tsys', doctor of historical Sciences, Professor of chair of history of Russia, Nizhnevartovsk State University.